

УДК: 811.111+811.161.1]’367.332.6

СЕМАНТИКА И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПОДЛЕЖАЩЕГО-ЭКСПЕРИЕНЦЕРА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ АНГЛИЧАН И РУССКИХ

Екатерина Николаевна Киселева

ассистент кафедры иностранных языков,

лингвистики и межкультурной коммуникации

Пермский государственный технический университет

614990, Пермь, Комсомольский пр., 29. gprst12@rambler.ru

Статья посвящена изучению семантики роли экспериенцера, обозначающего участника события как чувствующего, мыслящего, ощущающего субъекта. Выявляется специфика значений экспериенцера и устанавливается связь подлежащего как носителя этих значений с типом сказуемого и общей структурой предложения в английском и русском языках. Кроме того, в русском языке определяется круг падежных форм, посредством которых репрезентируется то или иное значение подлежащего-экспериенцера. Формально-семантические особенности подлежащего-экспериенцера рассматриваются как результат специфического отражения представлений о мире англичанами и русскими.

Ключевые слова: подлежащее; семантика экспериенцера; номинативная структура; ролевая структура; языковая картина мира.

Человек непрерывно ощущает, осмысляет, познает окружающий мир и представляет его в виде взаимосвязанных явлений, предметов, свойств, качеств, признаков, отношений. Целостная совокупность образов действительности, переработанная коллективным человеческим сознанием, по определению В.И. Карасика, называется *картиной мира* [Карасик 2002: 104]. Картина мира «запечатлевает определенный образ мира, который никогда не является зеркальным отражением мира» [Серебренников 1983: 60]. Термин «картина мира» является одним из фундаментальных понятий современных наук – философии, психологии и лингвистики [см.: Павилёнис 1983; Дубов 1993; Касевич 1996 и мн. др.]. На основе наивных представлений человека формируются определенные концептуальные образы мира, образующие коллективную систему, находящую отражение в языке какого-либо народа. Философы и лингвисты [см.: Павилёнис 1983; Колшанский 1990; Тер-Минасова 2000 и др.] различают *концептуальную* и *языковую картины мира*.

Языковая картина мира – это представление «общественного бытия через язык» [Карасик 2002: 118]. Язык интерпретирует мир с учетом общественно-исторического опыта как всего че-

ловечества, так и отдельной нации, последнее и обуславливает специфику определенного языка на всех уровнях системы [Маслова 2001: 64–65]. Тем не менее индивидуальные особенности каждого языка не создают такого представления о мире, которое предельно отличалось бы от представлений другой нации, поскольку наличие схожих черт в представлениях о мире разных народов обусловлено единством окружающей действительности, общей организацией мышления и структурой человеческой деятельности. Указанные сходства создают общность языков прежде всего на семантическом уровне, поскольку, по словам А.Е. Кибрика, именно на этом уровне язык максимально приближен к мышлению и внеязыковой действительности [Кибрик 2001: 202]. Однако, как известно, язык – это система, состоящая из классов лексических и грамматических единиц. Каждый из этих классов выполняет определенные функции, связанные с обеспечением концептуального содержания и определением концептуальной структуры, т.е. грамматические средства «обеспечивают концептуальную рамку, <...> скелет или строительные леса для концептуального материала, выраженного лексически» [Талми 1999: 92]. Как замечают исследователи, наличие тех или иных

грамматических явлений в языке обусловлено особенностями мировосприятия народа, т.е. «языки фиксируют в грамматике наиболее существенные концепты для культуры соответствующего народа либо значимо их игнорируют» [Карасик 2002: 208]. О существенной роли языковой формы в осмыслении мира человеком говорил еще В. Гумбольдт [см.: Гумбольдт 2000]. В статье мы остановимся на способах представления подлежащего как одной из составляющих концептуальной рамки языковой картины мира.

Центральной единицей языка, в которой осмысляются те или иные отношения между предметами и явлениями действительности, является *предложение*. Структура предложения на семантическом уровне отражает структуру той или иной внеязыковой ситуации, которая соотносится с некоторым *событием*, представленным в виде *действия, процесса* или *состояния*, и участников этого события [см.: Кибрик 2001]. Экстралингвистическая ситуация выражена в семантической структуре предложения посредством предиката, определяющего тип события, и *актантов*, служащих прототипами участников события; при этом значение предиката играет ведущую роль в определении всей семантической структуры предложения. На формальном уровне предикат представляет собой сказуемое, выраженное глаголом или глагольно-именным сочетанием. Актанты в семантической структуре обычно распределяются по номерам, при этом первый актант реализуется в формальной структуре как подлежащее, второй и третий – как дополнение.

В семантической структуре предложения та или иная функция участника внеязыковой ситуации подводится языковым сознанием под определенную *семантическую роль*, или *глубинный падеж*, под которым понимается «глубинное синтактико-семантическое отношение» актанта к предикату, основанное на обобщенном, типовом представлении функции участника той или иной ситуации [Филлмор 1981: 399–400]. Семантические роли представляют собой одну из базовых категорий, которая входит в состав «семантического представления», или «базисных семантических структур», «принципиальное устройство которых предполагается идентичным в языках» [Кибрик 2001: 202].

Рассмотрим одну из семантических ролей – роль экспериенцера. *Экспериенцер* – это тот участник ситуации, «чье умонастроение или умственные процессы подвергаются воздействию» [Чейф 2003: 168]: *I was impressed – Я был впечатлен*. В соответствии с концепцией У. Чейфа актант-экспериенцер может реализовываться в

позиции подлежащего только в условиях события-состояния и события-процесса. Именно здесь наблюдается особое разнообразие способов его выражения, чем и обусловлено изучение подлежащего-экспериенцера в указанной синтаксической позиции. В английском языке подлежащее-экспериенцер представлено в составе *номинативных структур*, в русском – номинативных и *ролевых*.

Как известно, английский и русский языки принадлежат к языкам номинативного типа, однако наблюдаются существенные расхождения в способе кодирования семантического представления ситуации в поверхностной структуре предложения. Это обусловлено тем, что в русском существует комплексная падежная система, в то время как в английском отсутствует регулярная система форм словоизменения. Напомним, что спецификой структур номинативного типа является то, что компоненты предложения занимают свои места в соответствии с синтаксическими позициями, которые образуются посредством системы связей словоформ, и выступают в функции членов предложения. *Подлежащее* как один из главных членов предложения являет собой «**именной член** предложения, синтаксический **предмет**, какой бы ни была его морфологическая принадлежность» [Левицкий 2007: 87]. *Сказуемое* как второй главный член предложения представляет собой синтаксический признак. В предложении подлежащее и сказуемое соотносятся посредством предикативной связи, при установлении которой происходит приписывание признака предмету и осуществляется формальное уподобление подлежащего и сказуемого. Характерной чертой структур номинативного типа является оформление подлежащего именительным падежом (для английского языка – общим падежом), за которым может быть закреплена любая семантика.

Что касается *ролевых структур*, то они представляют собой более ранний этап в развитии синтаксической структуры предложения по сравнению с номинативными и включают в себя эргативные, аффективные, активные и локативные структуры [см.: Мещанинов 1975: 201–250; Левицкий 2007: 39–44]. Специфика устройства ролевых структур состоит в том, что компоненты в них организуются не на основе синтаксических позиций, а исходя из семантики глагола, который обуславливает значение и форму предметных составляющих [Левицкий 2007: 52–60]. Следовательно, в создании поверхностной структуры предложений ролевого типа ведущую роль играет семантико-морфологический принцип, в то время как в номинативной – формально-

синтаксический. Поэтому членами предложения, представляющими собой синтаксическое явление, можно считать лишь компоненты номинативного предложения. Мы сохраним данный термин относительно компонентов ролевой структуры, однако будем иметь в виду, что члены предложения ролевой структуры имеют специфические черты. Форма подлежащего в структурах ролевого типа может быть **различной** и зависит от семантики глагола. Способом идентификации подлежащего в структурах данного типа является первая позиция в предложении [там же: 59]. Предикативная связь в структурах ролевого типа реализуется формой управления.

Согласно концепции А. Вежбицкой, общая тенденция существования номинативных конструкций в языке объясняется **агентивным** восприятием действительности, т.е. представлением всех происходящих жизненных событий как подвластных нам, находящихся под нашим личным контролем [Вежбицкая 1996: 55–56]. Ролевые же структуры большей частью тяготеют к представлению события независимо от воли человека, особенно явно эта тенденция прослеживается в конструкциях с экспериенцером в главной роли. Кроме того, А. Вежбицкая отмечает, что для русского языка характерна **неагентивность**, имперсональность восприятия мира, т.е. ощущение того, что «людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизнь, события ограничена» [Вежбицкая 1996: 33]. Это бессилие человека объясняется тем, что в бессознательном слое укоренено «ощущение мира как образования без четко проработанной и всеобъемлющей структуры», что обуславливает нелогичность, непредсказуемость мира [Мельникова 2003: 117–118]. Эта нелогичность, непредсказуемость влечет за собой неподвластность жизненных событий человеку. Таким образом, в английском языке представление актанта-экспериенцера посредством номинативных структур обусловлено агентивным восприятием действительности англичанами. В русском языке тенденция выражать актант-экспериенцер в структурах ролевого типа связана с представлениями русских о неагентивной роли человека в мире.

Для того чтобы выяснить особенности семантики роли экспериенцера и способов ее выражения в английском и русском языках, были проанализированы художественные тексты на обоих языках. Выбор художественных текстов объясняется разнообразием формальных способов передачи семантики экспериенцера в текстах именно этого типа. Путем сплошной и селективной выборки было получено около 750 языковых

единиц (372 в английском и 377 в русском). В русскоязычном материале объем номинативных конструкций с подлежащим-экспериенцером составил около 40%, ролевых – 60%, в англоязычном материале представлены только конструкции номинативного типа.

В исследуемых языках семантические особенности роли экспериенцера представлены довольно разнообразно: экспериенцер как носитель ментального процесса (29% случаев в общем количестве языкового материала: в английском – 14%, в русском – 15%); экспериенцер как субъект восприятия действительности (24%: в английском – 15%, в русском – 9%); экспериенцер как носитель психоэмоционального состояния (18%: в английском – 6%, в русском – 11%); экспериенцер как носитель эмоционального отношения (16%: в английском – 5%, в русском – 11%); экспериенцер как носитель физического состояния (13%: в английском – 6%, в русском – 7%).

Необходимо отметить, что структура предложения с экспериенцером в главной роли обычно предполагает три компонента: субъект, предикат и объект, который является причиной того или иного состояния, при этом причина/объект может быть представлен в составе предложения как эксплицитно, так и имплицитно; в некоторых случаях причина может обозначаться в предельном широком контексте.

Рассмотрим вышеупомянутые подзначения экспериенцера.

1. Экспериенцер как носитель ментального процесса

В английском и русском языках семантика ментальной деятельности/состояния участника чаще реализуется в событии-процессе, реже – состоянии. В русском языке подлежащее с указанным значением выражается формами им.п. (60%), дат.п. (30%), род.п. (6%) и вин.п. (единичные случаи). Превалирование номинативных структур в русском языке можно объяснить тем, что интеллектуальная деятельность традиционно осуществляется под контролем сознания, с усилением воли, что предполагает активность участника и представление его в структуре предложения формой им.п.

В английском и русском языках наблюдается ряд схожих способов выражения указанного значения подлежащего: **1) N_iVfN₄/Inf/Clause** (англ. 78%, рус. 40%): (1) *I remembered a little white town* (Ch., 190); (2) *I planned to take the money* (Ch., 151); (3) *She'll imagine you are after her money* (Ch., 104); (4) *Загадку разгадала она* (А., 266); (5) *А она мечтает быть художницей* (А., 79); (6) *...я решил, что он спит* (А., 23);

2) $N_1V_{\text{пр}}N_6$ (англ. 9%, рус. 16%): (7) *I was thinking about her* (Н., 192); (8) *А еще она постоянно думала об этом* (Т.ВМ, 75); 3) $N_1V_{\text{бе}}\text{PartII}$ (англ. 2%, рус. 4%): (9) *Baby is puzzled* (Н., 39); (10) *Машиа была убеждена в этом* (Т.ВМ, 78).

Кроме того, в английском языке подлежащее с семантикой экспериенцера как носителя ментального процесса может быть представлено в составе конструкций: 4) $NV_{\text{бе}}\text{Adj}$ (7%): (11) *I was pretty confident* (Ch., 136); 5) $N_1V_{\text{have}}N_4$ (5%): (12) *I had a vague general idea* (Ch., 97). Добавим, что в структуре 5 участник выступает не только как экспериенцер, но и как активный обладатель идеи.

В русском языке ментальная деятельность субъекта может быть представлена посредством ролевых конструкций, при этом действие/состояние воспринимается как протекающее само собой, без приложения усилий со стороны участника. Это находит отражение в предложениях, построенных по моделям: 6) $N_3V_{\text{возвр}}N_1/\text{Clause}$ (17%): (13) *Из улыбок Петьке запомнилось более или менее лицо дядьки Юрки* (Г., 164); (14) *Старухам казалось: витамины обрадуют кровь* (Т.ССД, 240); 7) $N_3V_{\text{быть}}\text{Adv}_0N_1/\text{Inf}/\text{Clause}$ (14%): (15) *Мне интересно мнение культурного человека* (Т.ВМ, 111); (16) *Мне было не интересно беседовать о бренности бытия* (Т.ВМ, 273); (17) *Им было интересно и не совсем понятно, о чем заспорила творческая интеллигенция* (Т.ССД, 273); 8) $yN_2V_{\text{быть}}/\text{фазисн.гл.}N_1$ (6%): (18) *У мерзавца возник подлый, но чрезвычайно сильный план* (А., 600). 9) $N_4V_{\text{т}}N_1$ (3%): (19) *Меня интересуют раскольники* (А., 482). Подлежащее-экспериенцер в (19) обладает дополнительной семантикой объекта, которая возникает в связи с формой вин.п.

Таким образом, в обоих исследуемых языках наиболее распространенным способом представления носителя ментальной деятельности является структура $N_1V_{\text{т}}N_4/\text{Inf}/\text{Clause}$. Форма им.п. подлежащего указывает на то, что интеллектуальный процесс протекает с участием воли субъекта.

2. Экспериенцер как субъект восприятия действительности

В английском языке экспериенцер с семантикой субъекта восприятия (зрительного, слухового, тактильного) в подавляющем большинстве случаев реализуется в событии-процессе. В русском языке данная семантика представлена чаще формой им.п. (71%), чем дат.п. (29%). Перцепция может осуществляться участником с разной степенью активности, в связи с чем глаголы восприятия можно разделить на активные и пассивные.

1) Экспериенцер при предикатах активного восприятия

Активные глаголы, по словам А. Мустайоки, указывают на добывание информации [Мустайоки 2006: 216]. Актант при глаголах активного восприятия, помимо значения экспериенцера, получает дополнительную семантику агента. В русском и английском языках участник активного восприятия представлен посредством следующих структур: 1) $N_1V_{\text{пр}}N_4$ (англ. 39%, рус. 37%): (20) *I looked at the clock on the desk* (Ch., 97); (21) *Дворецкий посмотрел на них обоих* (А., 262); 2) $N_1V_{\text{т}}N_4$ (англ. 13%, рус. 14%): (22) *He was watching me* (Ch., 105); (77) *Дамы долго слушали прочувственную речь писаного красавца* (А., 52).

Для русского языка специфичным способом передачи подлежащего с исследуемой семантикой является структура: 3) $N_1V_{\text{возвр}}$ (3%): (23) *Лорд Беркли с подозрением озирался вокруг* (А., 261). При этом в зону восприятия субъекта попадает не какой-либо один объект, а все окружающее пространство.

2) Экспериенцер при предикатах пассивного восприятия

Как в английском, так и в русском языках подлежащее может быть представлено в структуре: 4) $N_1V_{\text{т}}N_4/\text{Clause}$ (англ. 45%, рус. 17%): (24) *I felt a heavy hand one of the cops* (Ch., 67); (25) *I saw Lola came out of the lunch room* (Ch., 148); (26) *Я ощутила острый запах сырой земли* (А., 19); (27) *Я видел, как он выходил из дома* (А., 340). Однако в русском языке подлежащее-экспериенцер при предикате пассивного восприятия чаще представлено в составе ролевых структур: 5) $N_3V_{\text{быть}}\text{PartIIIN}_1/\text{Clause}$ (23%): (28) *Им было видно практически все* (Г., 298); (29) *Им было видно, как уходит в сторону сопостая волков* (Г., 298); 6) $N_3V_{\text{возвр}}N_1$ (6%): (30) *Мне слышится музыка* (Т.ССД, 65).

Итак, в английском языке наиболее распространенным способом представления подлежащего с семантикой экспериенцера как субъекта восприятия действительности являются структуры $N_1V_{\text{пр}}N_4$ и $N_1V_{\text{т}}N_4$, в русском – $N_1V_{\text{пр}}N_4$. При этом восприятие мыслится как протекающее под контролем участника.

3. Экспериенцер как носитель психоэмоционального состояния

Экспериенцер как носитель психоэмоционального состояния в обоих языках представлен в событии-состоянии. Местом локализации эмоций обычно является душа, сердце, внутренний мир человека, что обуславливает появление указанных категорий в составе подлежащего.

В русском языковом материале, в отличие от английского, отмечается большое количество единиц с семантикой внутреннего эмоционального состояния. Данный факт объясняется тем, что носители английского языка менее склонны к открытому выражению своих эмоций. Русским, напротив, свойственно довольно открыто говорить о своих чувствах, используя при этом разнообразие языковых форм. Подлежащее с семантикой экспериенцера как носителя психоэмоционального состояния имеет форму дат.п. (30%), им.п. (23%), вин.п. (21%), род.п. (18%), род.п.+им.п. (8%).

В английском и русском языках наблюдается ряд общих конструкций, посредством которых реализуется значение эмоционального состояния участника, а именно: 1) **N1VbeAdj** (англ. 42%, рус. 5%): (31) *Rinaldy was quiet now* (Н., 147); (32) *Только семь коротких дней он был счастлив и горд, как никто на свете* (Т.ВМ, 232); 2) **N1VbeprN6** (англ. 10%, рус. 3%): (33) *I was in a daze* (Ch., 188); (34) *Семья в панике* (А., 245); 3) **N1Vf** (англ. 10%, рус. 4%): (35) *I hesitated* (Ch., 169); (36) *Он струсит* (Т.ВМ, 60); 4) **N1ViprN4** (англ. 8%, рус. 3%): (37) *Now he lapsed into suffering again* (Н., 267); (38) *Она погрузилась в тоску* (Т.ВМ, 101). Во всех указанных случаях партиципant является носителем и источником того или иного эмоционального состояния. 5) **N1VbePartII** (англ. 31%, рус. 5%): (39) *He was favorably impressed* (Н., 323); (40) *Она была поражена его успехами* (Т.ВМ, 45). Участник ситуации воспринимается как носитель состояния, возникшего под воздействием определенного фактора. При этом причина, которая в примере (39) устранена из состава предложения и реализована в общем смысле текста, не только обуславливает появление того или иного состояния, но и «направляет» это состояние на участника. Следовательно, причина имеет довлеющий характер.

В русском языке возможны случаи выражения подлежащего со значением носителя эмоционального состояния в составе следующей структуры: 6) **N1Vвозвр** (4%): (41) *Бедняга так радовался!* (А., 122). В данном случае участник активен в проявлении эмоции, что обуславливается глаголом-сказуемым с *-ся*, имеющим отсубъектное значение.

В русском языке носитель эмоционального состояния значительно чаще представлен в составе ролевых структур, поскольку эмоции часто осмысливаются как непроизвольные, независимые от участника. Сам участник ситуации не в состоянии контролировать чувства, так как эти чувства возникают стихийно. Форма дат.п. под-

лежащего представлена в конструкциях: 7) **N3Vбыть/полузнам.глAdv0** (30%): (42) *Анатолию стало стыдно за жену* (Т.ССД, 117). В примере (42) чувство, скорее, имеет осознанный характер, но не контролируется волей. При этом участник, обозначенный словоформой дат.п., мыслится одновременно и как субъект, и как объект, поскольку, с одной стороны, участник является носителем эмоционального состояния, которое свойственно всему живому, что предполагает его субъектность, с другой – участник предстает как охваченный данным эмоциональным состоянием независимо от его воли, что влечет за собой проявление его неактивности.

Осмысление главного участника ситуации в качестве объекта прослеживается в представлении подлежащего формой вин.п.: 8) **N4VfN1** (9%): (43) *Ее ужаснула бедность, грязь и, главное, трудность ежедневной жизни* (У.КК, 242). Свойства окружающей среды вызывают то или иное состояние участника, по отношению к которому он выступает как неактивный. 9) **N4Vimpers** (8%): (44) *Почему меня поволокло в научную сухотку?* (У.КК, 588). В данном случае подлежащее сопрягается со сказуемым, представленным безличным глаголом. Представление сказуемого безличным глаголом при подлежащем-экспериенцере довольно широко распространено в русском языке и связано со специфической миропонимания. Согласно древнему мышлению все физические и психические изменения обуславливались действием мифических существ [Потебня 1968: 320], которые не назывались либо ввиду неизвестности, либо из-за боязни [там же: 322]. С течением времени связь действия с его производителем ослабляется, основной смысловой акцент делается на участнике, который находится под влиянием этого действия. Устранение мифического деятеля и потеря его связи с действием/признаком повлекло за собой тот факт, что в русском языке безличный глагол приобрел значение стихийности проявления признака, т.е. осмысления процесса как происходящего само собой, независимо от воли его носителя (44).

10) **N4VimpersN5** (4%): (45) *Трофимова обдало теплой волной нежности и благодарности за то, что они есть* (Т.ВМ, 121). Участник ситуации находится под влиянием действующих внутри него чувств.

Участник-экспериенцер может выступать и как обладатель, и как локализатор эмоционального состояния, что выражается посредством формы род.п. подлежащего: 11) **yN2VбытьN1** (18%): (46) *...у Новенькой было счастливое детское чувство...* (У.КК, 335).

Форма род.п.+им.п. подлежащего реализуется в структурах: **12) уN₂(N₁)V_{быть}Adj** (4%): (47) *Но теперь как раз у нее настроение было отличное, боевое, как перед важным экзаменом* (У.КК, 540). **13) уN₂(N₁)V_{возвр}** (4%): (48) *У меня внутри что-то перевернулось от неожиданности и торжественности* (Т.ВМ, 134). В структурах **12, 13** используется комплексное представление участника ситуации [Золотова 1982: 154–155]; при этом в качестве непосредственного средоточия эмоций выступает психоэмоциональная составляющая, обозначающая субъект вместе с его неотъемлемой частью, локализирующей психическое состояние. В связи с чем субъект, оформленный род.п., получает добавочное значение обладателя эмоциональной составляющей и локализатора состояния. Сказуемое в грамматическом плане ориентировано на словоформу, обозначающую эмоциональную составляющую, что представлено их формальным согласованием. Добавим, что подсознательная необъяснимость внешнего мира проецируется и на внутренний мир человека, где эмоции представляются как нечто ирреальное, неподвластное четкому осмыслению, что демонстрируется использованием неопределенного местоимения в составе подлежащего (48).

Итак, в английском языке эмоциональное состояние участника ситуации чаще всего представлено в составе структуры N₁V_{be}Adj, где участник мыслится как контролирующий свое эмоциональное состояние. В русском языковом материале подлежащее-экспериментер в большем количестве случаев представлено формой дат.п. в составе структуры N₃V_{быть/полузнам.гл}Adv_o, при этом эмоциональное состояние осмысливается как охватывающее участника независимо от его воли.

4. Экспериментер как носитель эмоционального отношения

В английском и русском языках данная семантика подлежащего в основном представлена в событии-состоянии. В русском языке подлежащее с указанным значением чаще выражено формой дат.п. (75%), чем им.п. (25%).

Общим способом обозначения носителя отношения в обоих языках является структура: **1) N₁V_tN₄** (англ. 58%, рус. 12%): (49) *He loves Franz Joseph* (Н., 12); (50) *Ты слишком любишь жизнь* (Т.ВМ, 80). С ее помощью может быть представлено как положительное, так и отрицательное отношение к чему-либо или к кому-либо.

В английском языке подлежащее со значением носителя отношения к субъекту/объекту может быть реализовано в структурах: **2) N₁V_{be}AdjprN₆** (13%): (51) *Jenson was too crazy*

about her (Ch., 132); **3) N₁V_{have}N₄** (6%): (52) *He had great admiration for the British* (Н., 151) Если выражается отношение к какому-либо событию, то конструкция приобретает вид **4) N₁V_tGer/Inf** (15%): (53) *I hate doing of a thing like this to him* (Ch., 135); (54) *He liked to talk about his past life and his ambitions* (Ch., 110); **5) N₁V_{be}AdjInf** (6%): (55) *I'm glad to have company on driving back* (Ch., 69). При этом событие представлено формой герундия (53) и инфинитива (54), (55).

В русском языке выражение участником того или иного отношения к субъекту/объекту находит представление в следующих конструкциях: **6) N₁V_{возвр}N₂** (6%): (56) *Кобру или, скажем, ехидну всякий напугается* (А., 154); **7) N₁V_{быть}N₂** (8%): (57) *Женщины этого типа всегда равнодушны к брюнетам с синими глазами* (А., 254). В английских и русских номинативных структурах эмоциональное отношение участника представлено как исходящее от самого участника-экспериментера, при этом отношение имеет осознанный, произвольный характер. Однако для русских в большей степени характерно осмысление эмоционального отношения как возникающего непроизвольно и протекающего без внутреннего контроля участника. Эта тенденция прослеживается в довольно частом употреблении конструкций ролевого типа: **8) N₃V_{быть}Adv_oN₄** (32%): (58) *Фандорину стало жалко беднягу* (А., 97); **9) N₃V_{возвр}N₁/Inf/Clause** (23%): (59) *Мне очень нравится ваш маленький Буше* (А., 48); (60) *Федькину больше всего нравилось белить потолок* (Т.ВМ, 245); (61) *Ей не нравилось, что Фернандо низколобый* (Т.ВМ, 192). При этом событие обычно представлено сложным сказуемым (60) или придаточным предложением (61). **10) N₃V_{быть}InfprN₄/Clause** (19%): (62) *Старушке было плевать на Минаева* (Т.ВМ, 100); (63) *Ему было плевать, кто такой руководитель* (Т.ВМ, 82). Участник ситуации выражает свое безразличие и в определенной мере пренебрежение к субъекту/объекту, что передается экспрессивным характером глагола.

11) N₃V_{быть}N₁Adv (14%): (64) *Через несколько часов Марго проснулась в реанимационной палате... Она поняла, что жива, ее это не обрадовало и не огорчило. Ей было все равно* (Т.ССД, 307). В данном случае подлежащее сочетается со сказуемым, выраженным устойчивым оборотом, с помощью которого передается безразличное отношение к событию. Само событие описано выше, представлено в ситуации.

Отношение к субъекту/объекту участник может испытывать в силу определенных обстоятельств, что проявляется в структуре: **12) N₃V_{быть}NegN₂** (12%): (65) *А мне было не до*

снега (А., 687). Посредством структуры **12** традиционно выражается некоторое нерасположение к субъекту/ объекту.

Таким образом, в английском языке носитель эмоционального отношения, как правило, представлен посредством структуры $N_1V_fN_4$, при этом отношение мыслится как осознанное участником. В русском языке типичным способом реализации данного значения является форма дат.п. в структуре $N_3V_{\text{возвр}}N_1/Inf/Clause$. В этом случае отношение участника воспринимается как произвольное.

5. Экспериментер как носитель физического состояния

В английском и русском языках экспериментер с указанной семантической особенностью значительно чаще реализуется в событии-состоянии, реже – в событии-процессе. В русском языке подлежащее со значением носителя физического состояния большим количеством случаев представлено в ролевых структурах и имеет форму род.п. (28%), дат.п. (22%), род.+им.п./вин.п. (20%), вин.п. (16%) и им.п. (14%). Поскольку для физиологического состояния характерна локализация в какой-либо области тела, то именно части тела и органы человека могут быть представлены в языке в качестве основных участников ситуации.

Способ реализации экспериментера с семантикой физического состояния совпадает в русских и английских номинативных структурах: **1) N_1V_f** (англ. 8%, рус. 12%): (66) *My leg ached* (Н., 253); (67) *В углу в кресле дремал какой-то усац* (А., 79). Отметим, что для английского языка характерна ярко выраженная тенденция представления части тела как самостоятельно действующей, чувствующей.

Далее структурные способы реализации экспериментера с семантикой носителя физического состояния расходятся. Так, указанный семантический тип подлежащего представлен в английских структурах: **2) $N_1V_{be}Adj$** (48%): (68) *I was thirsty* (Н., 314); **3) $N_1V_{have}N_4$** (27%): (69) *He has gout* (Н., 179). Участник в примере (69) предстает в качестве обладателя болезни, при этом обладание имеет активный характер. **4) $N_1V_fN_4$** (8%): (70) *I felt a rush of blood to my head* (Ch., 107). Общей особенностью структур **1, 2, 3, 4** является то, что состояние мыслится как исходящее от субъекта, возникающее в силу определенных обстоятельств. В то же время состояние может быть представлено как направленное на субъект: **5) $N_1V_{be}PartII$** (8%): (71) *I'm very tired of this walking* (Н., 135); (72) *His heard is hurt* (Н., 69).

В русском языке наблюдается большее разнообразие способов представления подлежащего с

семантикой носителя физического состояния. Форма им.п. находит выражение в составе структуры: **6) $N_1V_{быть}prN_6$** (2%): (73) *Все равно я была в обмороке* (А., 17).

При выражении подлежащего формой род.п. участник предстает в качестве обладателя и локализатора того или иного физического состояния: **7) $yN_2V_{быть}N_1$** (28%): (74) *У меня бронхит* (Т.ВМ, 126).

Подлежащее представлено формой дат.п. в структурах: **11) $N_3V_{быть/полузн.гл.}Adv_o$** (16%): (75) *Ему было тепло от ее руки* (Т.ВМ, 112). **12) $N_3V_{быть}Adv_oInf$** (6%): (76) *Ей было трудно покинуть даже собственную комнату* (У.КК, 519); (77) *Папе было неудобно пребывать в одной позе* (Т.ССД, 218). Физическое состояние, которое испытывает участник, каузировано определенным действием. В связи с этим предложения, построенные по модели **12**, обладают двойной предикацией, а именно (76) «Ей было трудно» и «Она покинуть комнату». Это влечет за собой возможность совмещения в семантике подлежащего нескольких ролей, тип которых зависит от характера предикатов. Так, в (76) подлежащее совмещает роли экспериментера и агента, в (77) – экспериментера и пациента. Существование двойной предикации и, как следствие, совмещение семантических ролей в подлежащем обусловлено принципом экономии языковых средств.

В русском языке конкретная область локализации физического состояния обычно представлена комплексным субъектом, т.е. обозначением субъекта и его неотъемлемой части, локализующей физическое состояние. При этом подлежащее имеет форму род.п.+им.п./вин.п. и выражено в структурах: **8) $yN_2(N_1)V_f$** (7%): (78) *У меня болит нога* (Т.ССД, 134); **9) $yN_2(N_4)V_{impers}$** (4%): (79) *У Лидии лопило затылок* (Т.ВМ, 157); **10) $yN_2(N_1)V_{возвр}$** (2%): (80) *У меня голова в теплой воде намного лучше делается* (У.КК, 654). В (78) состояние воспринимается говорящим как константное и активно протекающее, в (79) – как стихийное. В (80) участник представлен изменяющим свое состояние под воздействием эксплицитно представленной причины. При этом состояние изменяется как бы само собой, что обуславливается постфиксом *-ся*, имеющим в данном случае помимо значения возвратности семантику самовоспроизводимости действия.

Носитель физического состояния так же, как и носитель эмоционального состояния, может быть осмыслен в качестве объекта, испытывающего состояние независимо от своей воли. Подлежащее в таком случае выражено формой вин.п.: **13) N_4V_{impers}** (12%): (81) *Меня тошнило от*

страха и подъема (Т.ВМ, 83); **14**) $N_4V_iN_1$ (4%): (82) *Ее мучил токсикоз* (Т.ВМ, 41). Следует отметить, что предложение, построенное по модели **14**, в смысловом плане несколько схоже с предложением, построенным по модели **7** (*Ее мучил токсикоз – У нее токсикоз*), что обусловлено признаковым значением словоформы в им.п. Однако в (82) речь идет не просто о наличии того или иного физического состояния, а об определенной интенсивности состояния.

Итак, в английском языке подлежащее с семантикой носителя физического состояния чаще всего реализуется в структуре $N_1V_{be}Adj$, где состояние представлено как исходящее от субъекта. В русском языке наиболее распространенным способом представления данной семантики является форма род.п. в структуре $yN_2V_{быть}N_1$, при этом участник предстает как неактивный обладатель и локализатор физического состояния.

Таким образом, в обоих языках наибольшим количеством единиц реализовано подзначение экспериенцера как носителя ментального процесса, которое чаще всего реализуется в структуре $N_1V_iN_4/Inf/Clause$. Тенденция представления подлежащего-экспериенцера с указанным подзначением, вероятно, объясняется особенностью восприятия человека в первую очередь как думающего, мыслящего субъекта. Приблизительно равное количество единиц в английском и русском языках обнаруживает значение экспериенцера как носителя физического состояния, при этом чаще всего носитель физического состояния в английском языке представлен в предложении, построенном по схеме $N_1V_{be}Adj$, в русском – $yN_2V_{быть}N_1$. Преобладание формы род.п. подлежащего обусловлено необходимостью указать на пространственную локализацию физиологического признака. Значение экспериенцера как носителя восприятия действительности наибольшим количеством единиц реализовано в англоязычном материале. Данное значение выражается в структуре $N_1V_iN_4$ в английском языке и $N_1V_{пр}N_4$ – в русском. Превалирование подзначения экспериенцера как носителя ментального и перцептивного процесса в английском языке свидетельствует о том, что для англичан, по видимому, более важным и естественным является выражение своих ощущений и мыслей, нежели эмоций. Доминантность значений экспериенцера, связанных с эмоциональной сферой, т.е. эмоционального состояния и эмоционального отношения, обнаруживается в русском языке, где подлежащее чаще всего имеет форму дат.п. При этом подлежащее с семантикой носителя эмоционального состояния в русском языке чаще представлено в структуре $N_3V_{быть/полузнам.гл}Adv_o$,

в английском – $N_1V_{be}Adj$. Подлежащее с семантикой носителя эмоционального отношения реализовано наибольшим количеством случаев в русском языке в структуре $N_3V_{возвр}N_1/Inf/Clause$, в английском – $N_1V_iN_4$. Преобладание указанных типов значений в русском языке объясняется тенденцией русских к более открытому выражению своих чувств, оценок в противовес английской эмоциональной сдержанности. При этом в русском языке семантика носителя физиологического, эмоционального состояния, эмоционального отношения реализуется чаще всего посредством ролевых структур, что репрезентирует представление об участнике как неконтролирующем свои чувства, эмоции. Возникновение эмоционального/физического состояния в представлении русских происходит независимо от воли человека, что также подтверждается довольно частым сопряжением ролевого подлежащего со сказуемым, выраженным безличным глаголом, который имеет семантику стихийности проявления признака. Представление подлежащего-экспериенцера номинативными структурами в английском языке свидетельствует о том, что чувства, эмоции, мысли осознаются англичанами как исходящие от человека, протекающие под его контролем.

Список цитируемых источников

- А. – Акунин Б. Нефритовые четки. М.: «Захаров», 2007. 704 с.
Г. – Геласимов А. Степные боги. М.: ЭКСМО, 2008. 384 с.
Т.ВМ – Токарева В. Вместо меня: рассказы. М.: Эксмо, 1995. 368 с.
Т.ССД – Токарева В. Самый счастливый день. М.: АСТ Хранитель, 2008. 415 с.
У.КК – Улицкая Л. Казус Кукоцкого: роман. М.: Эксмо, 2008. 736 с.
Ch. – Chase J.H. Come easy – go easy. М.: Рольф, 2002. 384 с.
Н. – Hemingway E. A farewell to arms. СПб.: КОРОНА принт, КАРО, 2004. 416 с.

Список литературы

- Гумбольдт К.В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопр. психол. 1993. №5. С. 20–29.
Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. 288 с.

Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке). 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 336 с.

Колианский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 108 с.

Левицкий Ю.А. Альтернативные грамматики: учеб. пособ. по спецкурсу / Перм. пед. ун-т. Пермь, 2007. 144 с.

Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособ. для студ. вузов. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.

Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб.: Речь, 2003. 320 с.

Мещанинов И.И. Проблемы развития языка. Л.: Наука, 1975. 352 с.

Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006. 512 с.

Павленис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-функциональный анализ языка. М.: Мысль, 1983. 266 с.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т.3: Об изменениях значения и заменах существительного. М.: Просвещение, 1968. 551 с.

Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1999. №1. С. 91–115.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.

Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 1983. 320 с.

Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып.10. Лингвистическая семантика. С.369–495.

Чейф У. Значение и структура языка. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2003. 424 с.

SEMANTICS AND REPRESENTATION OF THE SUBJECT-EXPERIENCER IN ENGLISH AND RUSSIAN LINGUISTIC MIND

Ekaterina N. Kiseleva

**Assistant of Foreign Languages,
Linguistics and Intercultural Communication Department
Perm State Technical University**

The article deals with the semantics of the experiencer, which denotes the animate event participant as a sentient, reflective and feeling person. In this work the specificity of semantics of the subject-experiencer is analysed and the relation between the subject-experiencer, as a carrier of these meanings, and the type of the predicate and the whole sentence structure is described on the data of the English and Russian languages. The author describes a number of case forms in Russian by which a meaning of the subject-experiencer is represented. Formal and semantic characteristics of the subject-experiencer are regarded as results of differences in the Russian and English world views.

Key words: subject; semantics of the experiencer; nominative structure; role structure; language world view.